

числе мяса). Питается же город трудом, нервами, эмоциями и стремлениями своих обитателей. Из этого и складывается энергетика мегаполиса.

Итак, «самоописательный» компонент образа Берлина достаточно объективен и рационалистичен. Он содержит в себе большое количество вариантов интерпретации. Вместе с тем дискурс Города абсолютно органично вливается в общую концепцию романа, подхватывая и развивая все основные мотивы произведения, создавая уникальную атмосферу действия и расширяя художественное пространство.

Примечания

¹ См.: *Лейтес Н.С.* О некоторых особенностях становления жанра романа в немецкой пролетарской литературе 1918–1933 гг. // Учен. зап. Уральского ун-та. № 44. Сер.

филол. 1966. Вып. 1; *Лейтес Н.С.* К вопросу об эволюции жанра немецкого романа в немецкой литературе 20-х годов // Науч. доклады высшей школы: Филологические науки. 1968. № 4; *Седельник В.Д.* Немецкий роман между двумя мировыми войнами // Зарубежная литература XX века: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. В.М. Толмачёва. М., 2003. С. 210–227.

² См.: *Kreutzler L.* Alfred Döblin: Sein Werk bis 1933. Stuttgart, 1970; *Schröter K.* Alfred Döblin. Reinbek bei Hamburg, 1988; *Ziolkowski T.* Berlin Alexanderplatz // Zu Alfred Döblin. Stuttgart, 1980. S. 128–148.

³ См.: *Benjamin W.* Krisis des Romans // Gesammelte Schriften. Bd. 3. Frankfurt am Main, 1972. S. 230–236.

⁴ *Дёблин А.* Берлин, Александерплац. Повесть о Франце Биберкопфе: Роман / Пер. с нем. Г. Зуккау; Под ред. Н. Португалова. СПб., 2000. С. 51. Далее цитируется это издание с указанием страниц в тексте.

УДК 821.161.1.09-1+929 Пушкин

ПУШКИН В ИНТЕРНЕТ-ПОЭЗИИ

Е.Б. Ракитина

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: kathrakit@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые механизмы формирования культурной памяти в медийной (вторичной) поэзии, опубликованной в Интернете. Материалом исследования послужили особенности восприятия творчества и биографии Пушкина в произведениях сетевых авторов и дискуссиях, ведущихся на крупнейшем русскоязычном поэтическом ресурсе Стихи.ру. Предметом анализа является специфика освоения классического наследия в медийной (вторичной) поэзии, его мифологизация, а также отражение устойчивых представлений интернет-поэтов о поэзии в трактовке традиции.

Ключевые слова: интернет-поэзия, культурная память, Пушкин, классическое наследие, мифологизация, традиция.

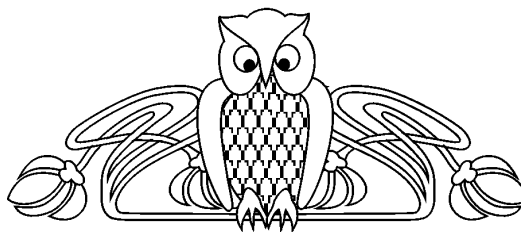
Pushkin in Russian Internet Poetry

Е.Б. Rakitina

The article deals with the problem of cultural memory in media (secondary) poetry. The materials are taken from the biggest Russian-language Internet poetry resource, www.stihi.ru, which hosts the poems by unprofessional poets and their discussion forums. The analysis focuses on the secondary poetry attitudes to classical tradition, mechanisms of mythologizing it, and on Internet-poets collectively assumed views on poetry and tradition.

Key words: Internet-poetry, cultural memory, Pushkin, classical legacy, mythologization, tradition.

Публикация в Интернете в последнее время стала одной из самых доступных и популярных форм выхода текста к читателю¹, и поэтический текст – не исключение. Для непризнанного автора, любителя Интернет порой оказывается единствен-

ным пространством, в котором он может реализовать свои авторские амбиции, найти единомышленников и влиться в ту особую среду, которая позволяет ему ощутить себя литератором, поэтом, частью «поэтического народа», как это называет в статье «Народный сюрреализм» Олег Аронсон.

Предлагая это определение сетевых поэтов, Олег Аронсон пишет: «Смысл его (понятия «народ»). – *Е.Р.*) пуст и наполняется всякий раз той или иной идеологией, использующей «народ» в качестве заданного риторического образа. <...> Однако для нас ценен именно этот пустой смысл «народа», который означает, что здесь имеется в виду любой, какой угодно индивид <...>. Народ, таким образом, используется как категория, несущая в себе идею универсальности: каждый причастен «народу», но и «народ» есть часть каждого. Это не народ государства или местности, <...> не масса и не коллектив, но некоторое событие причастности каждого любому другому»².

Определение «поэтический народ» представляется нам очень точным, поскольку описывает сразу все уровни поэтического творчества, саморепрезентации и общения в Интернете, что вполне позволяет использовать его в качестве термина.

Специфика культуры «поэтического народа» обусловлена особым восприятием поэзии. Для сетевого автора поэзия – речь не только с проявленной, но и с повышенной ценностью, статусная форма высказывания. Непризнанный автор не просто пишет стихи – он приобщается к

чему-то априори значимому, вступает в ряды избранных (ср. «он пишет стихи», характеристика, в бытовом общении безусловно выступающая как положительная, признак «неординарного», «интересного» человека). Подобное место поэзии в иерархии культурных практик отчасти объясняется тем, что в сознании даже мало начитанного человека, получившего образование в советской и российской школе, присутствует ряд конструктов и шаблонов, связанных с остаточной литературоцентричностью русской культуры: это и «образ поэта», всегда мифологизированный, будь то Пушкин, Есенин или Высоцкий, и позитивистская неразрывность «жизни и творчества», и традиционная фокусировка ученического внимания на личности автора с автоматическим повышением статуса поэта по сравнению с не-поэтом (ср. «поэт-пророк», «поэт – выразитель эпохи», «история народа принадлежит поэту», «поэт в России больше, чем поэт» и т.д.).

Зависимость от условной и обобщённой традиции, представление о повышенной ценности и значимости поэтической речи, сознательная ритуализация поведения и общения на поэтическом ресурсе – всё это позволяет говорить о том, что поэзия в сознании «поэтического народа» предельно мифологизирована. Взаимоотношения коллективного сетевого автора с поэзией выстраиваются по законам мифологического мышления: универсальная и слабо дифференцированная традиция выступает в роли предания, обладающего символической ценностью и моделирующим потенциалом, творчеству сообщается сакральный смысл. Оно не отделяется от эмоционального импульса, а его результат – одновременно и демонстрация статуса, и приношение поэзии.

Система мифологических представлений об образе поэта выступает в культуре «поэтического народа» в роли своеобразной матрицы, позволяющей воспринимать самостоятельные явления литературного процесса как постоянно повторяющиеся элементы традиции-предания. Для интернет-поэта конкретный автор важен не только как творческая индивидуальность, но прежде всего как воплощение некой платонической идеи: поэт-пророк, поэт-мученик, поэт-избранный. Осмысление творчества как производной от биографии побуждает «поэтический народ» искать в жизни автора объяснение, а порой и продолжение текста. Текст, в свою очередь, прямо связывается с обстоятельствами жизни, отражает их и переводит в область поэтического – почти не преображая, поскольку является прямым выражением чувств.

Таким образом, биография конкретного автора сводится к набору архетипических сюжетов, подгоняется под законы поэтической мифологии. Поэт становится символической фигурой, персонажем поэтического пантеона. Именно условный образ поэта, функциональный мифологический конструкт востребован традицией-преданием, поскольку принципиально воспроизводим: «при-

мысливание» себя к чужим текстам и биографии – постоянная ритуальная практика «поэтического народа», «чужое» присваивается, личное в данной системе представлений выступает как частный случай универсального, единого для всех, частных поэзии.

Героем традиции-предания, мифологический образ которого разработан наиболее полно и подробно, безусловно является Пушкин. Подобная востребованность фигуры Пушкина обусловлена не только собственно текстами поэта и постоянным обращением к ним в системе российского дошкольного и школьного обучения, но и особым пушкинским мифом, функционирующим на самых разных уровнях мышления человека, говорящего по-русски и воспитанного в русской культурной традиции: от цитат, не нуждающихся в указании автора, до сакрализованных фактов биографии, от хрестоматийного «солнце русской поэзии» до анекдотов Хармса, от вошедшего в поговорку «наше всё» до бытового иронического «кто делать будет? Пушкин?».

«Поэтический народ» активно использует пушкинский миф, обогащая его собственными мифологическими представлениями. Размышления о Пушкине, своего рода медитация на тему пушкинского мифа, вполне могут быть названы жанром сетевой поэзии. Трактовка биографии поэта, «примысливание» себя к обстоятельствам его жизни, собственное видение места Пушкина в русской культуре – всё это становится предметом осмысления «поэтического народа». «Мой Пушкин» – вслед за Цветаевой могли бы назвать свои произведения многие авторы сайта Стихи.ру.

В стихотворении Юрия Влодова пушкинский миф, с которым по умолчанию знаком читатель, по замыслу автора должен возникнуть сам, на пересечении ассоциативных линий, намеченных в тексте:

Слетают листья с Болдинского сада,
И свист синицы за душу берет.
А в голубых глазах у Александра
Неяркое свечение берез.
<...>
Она все ближе – теплая зима,
Где выстрелы, как детские хлопушки,
Где в синий снег падет руками Пушкин,
И из под рук вдруг вырвется земля...
<...>
Ну а пока – туманная пора.
Все в липкой паутине бабье лето.
И небо – в голубых глазах поэта!
И нервный скрип гусяного пера...³

Набор клише и шаблонов, общих мест, с помощью которых автор создаёт необходимый ассоциативный ряд, выступает в данном тексте как атрибут ритуальной практики – «письма о Пушкине».

Такой же ритуальной практикой становится своего рода «равнение на Пушкина», сверка собственного поэтического образа по наиболее почи-

таемому образу мифологического поэтического пантеона. Подобное «примысливание» себя к Пушкину происходит, например, в тексте Юрия Зубкина:

Я начинаю каждый день
С исканья тем и впечатлений,
Проблем решенья злая тень
Иль с чтенья Пушкинских творений.

Оттачивая мысль и слог,
В потоке пламенных фантазий,
Ровняю, как бы Пушкин смог
Отдать стихам пути мечтаний.
<...>

Мне не до сказок ныне явно,
Прошёл я юности порог,
Хотя ласкают душу славно
И я бы написать их смог.
<...>

О том, как давнею порою
Бредущий в поле эмигрант
В стогу иль, может, под сосною
Нашёл вдруг Пушкинский талант!⁴

Основанием для подобного сопоставления является не только личное отношение автора к Пушкину, но и принимаемое в поэтической мифологии как данность единство всех поэтов в поэзии, общее пребывание в области дара, не уравнивающее, но устанавливающее особые ритуальные связи между всеми пишущими, обеспечивающее столь ценимую «поэтическим народом» творческую эмпатию.

Подчас творческая эмпатия настолько акцентируется, что сетевой автор выстраивает предельно личностную систему взаимодействия с персонажем поэтического пантеона. Так происходит в цикле Игоря Белкина «Пушкиниана», в котором биография автора не просто переплетается, но сплавляется с пушкинской:

В шуршащей ночи есть своя печаль,
Есть неизбежность, строгость и волненье
За нас, вошедших в соприкосновенье
С одним из повторившихся начал.

Ты боль моя. Мне до истомы жаль
Твоё неповторимое смятенье
На полке быть единственным явлением
И снять с неё других, ушедших вдаль.

Пусть постоят пронзительные фото,
В них вечно зажигающее что-то,
Как и в тебе, когда ты смотришь так.

Волнующе в шуршанье белой ночи,
Что Пушкин слова вымолвить не хочет,
Прижав к скуле не судящий кулак⁵.

Двоение лирического героя, его финальная подмена Пушкиным очень характерны для по-

добной лирики, основанной на эмпатии – осознанно вторичной и существующей за счёт этой вторичности.

Однако лирическое «я», стремящееся к чужому образу, может подменяться в текстах-приношениях, посвящённых мифологизированным поэтам, лирическим «мы». В этом случае сетевой автор говорит не только от своего лица, но и от лица всех причастных к поэзии, подчёркивая универсальную значимость избранной части традиции-предания. Такое лирическое «мы» используется, например, в произведении «Пушкину посвящается» автора, пишущего под псевдонимом P-Ich. Начиная свой текст с цитаты из Жуковского, автор дополнительно маркирует принадлежность к области дара, лирическое «мы» обретает смысл «мы, поэты»:

Его стихов немеркнущая младость
Преодолела даль завистливых веков.
Мы слухом вновь внимаем сладость,
Величие и стройность русских слов...
Печаль утешится украдкой вздоха,
Резвее прежнего возрадуется миг,
Душа с душой бес всякого подвоха
В любви и радости познают счастья пик...⁶

Примечательно, что посвящение Пушкину в данном тексте абсолютно условно, адресатом мог бы выступать любой персонаж поэтической мифологии, т.е. мы имеем дело с ритуальной формулой, описывающей базовые представления поэтической мифологии.

Более развёрнутым воплощением той же ритуальной формулы является текст Сергея Тверского «Что сделал Пушкин?».

Елозят Именем от века,
И трудно нам уже понять,
За что вцепились в человека,
И как он всех сумел обнять.

Своею Музой?.. Пушкин снова
Не тонет в пропасти времён.
Так что ж наделал он такого,
Что гонит прочь покой и сон?

Он хулиганил? Портил девок?
Он властимущим портил кровь?
Да. Но, превыше всех проделок,
Любил и дрался за Любовь!
<...>

И с постаментов поколенья
Он призывает вновь и вновь –
Любите! До самозабвенья!
И насмерть бейтесь за Любовь!⁷

Подзаголовок «Ко дню рождения Поэта» указывает на весьма популярную у сетевых авторов практику публикации стихов ко всевозможным датам и юбилеям, что позволяет говорить о су-

ществовании у «поэтического народа» повторяющихся календарных праздников, характерных для любой мифологической культуры.

Однако в интернет-поэзии возможно и неформальное взаимодействие с традицией, воплощённой в образе мифологизированного поэта. «Пушкин и я» для «поэтического народа» – такая же устойчивая тема, как «Мой Пушкин». В текстах подобного рода на первый план выходит личное переживание автора, возникшее в результате чтения Пушкина или размышления о нём.

В тексте Лалы Тарапкиной «Я, дура» изображается отношение обобщённой и абстрактной современной девушки к традиции-преданию вообще и Пушкину в частности:

А знаешь, Пушкин, ты не мой поэт.
Увы, мой скромный вкус простого плебса
Ни разу не вписался в интернет –
Я слушаю Никольского и Лепса.

<...>

И с юности – мне не постичь причин,
Поступков в целях соблюдения лоска...
Я, дура, жду из тысячи мужчин
Того, кто скажет – «Маша, я Дубровский».

А он всё не идет да не идет –
А каждый компромисс – всего лишь «вместо».
И день, и месяц, и прошедший год
Я чья-то несбежавшая невеста –

В простецком платье Лизы (в васильках),
В соломенных лаптях на босу ногу.
... Пригоршня леденцов в твоих руках
Сейчас куда желанней – мне и Богу...⁸

Отказ от Пушкина, ритуальное поругание сакрального в начале стихотворения уже предполагает возвращение к нему в финале, однако подобный приём позволяет автору продемонстрировать в связи с Пушкиным и собственный противоречивый внутренний мир, свойственный, согласно представлениям «поэтического народа», всем поэтам.

Такая же сознательная амбивалентность присутствует в тексте «Сукин сын (А.С.П.)» автора, пишущего под псевдонимом Авов Аволог. Пушкин в этом произведении появляется в образе собаки.

Подругу, мою добрую женщину
(в прошлом девушку),
Укусила собака за что – не знаю, короче, за ляжку.
И вот, посочувствовав доле женской подружкиной,
Пошел я в гаражный свой кооператив
и замахнулся на Пушкина.
Так собаку зовут сторожевую, цепную,
особо-то и не злую,
И даже смешную, не глупую,
черно-рыжеватую и ужасно лохматую,
С глазами такими проникновенными
и бакенбардами необыкновенными,

С подозрительной абиссинской
породистой кучерявостью
И даже с дворя-, нет, все же дворянской
легавостью,
Прозванного так неинтеллигентными сторожами
Не столь за похожесть, сколь за способность лаять
в рифму, почти стихами.

<...>

А вдруг это...
собачьими глазами глядит на меня
переселившаяся душа поэта?
Который столько провидел и говорил про себя:

Ай да сукин сын...

Который учил: Чем меньше женщину мы любим...
И я всегда соглашался с ним,
И был большим любителем женских ножек,
Всё совпадает – мурашки побежали по коже...
Спрашиваю – Пушкин, хорошо быть собакою?

– Гав, гав, гав...

И ушел я так, ничего не поняв...
А вдруг и мне быть собакой?⁹

Намеренное снижение образности, разговорный язык и свободный метр точно так же не отрицают Пушкина, как ритуальный разрыв с ним в приведённом ранее тексте.

Для интернет-поэта Пушкин – одновременно точка отсчёта в мире поэтического, авторитетнейший персонаж традиции-предания и воплощение этой традиции, поэт вообще.

Именно как синоним поэта фигурирует Пушкин во многих произведениях Интернет-поэтов. Валерий Алейников, обращаясь к читателям на авторской странице сайта Стихи.ру, пишет:

Я далеко не Пушкин, но поэт.
Конечно, я не Лермонтов, но все же.
Стихи пишу я уже много лет,
И Вам судить, на что они похожи¹⁰.

Пушкин в данном тексте – эталон поэта, некая поэтическая константа, позволяющая структурировать область дара. Именно поэтому Пушкин как символ может быть легко заменён либо дополнен другими персонажами поэтической мифологии.

В тексте Юрия Семецкого «Классик» герои поэтического пантеона рассматриваются прежде всего как обладатели условной биографии поэта-мученика, которую автор легко присваивает.

Ночь на дворе, а под глазами тени.
Пишу стихи, как будто я поэт.
А были Пушкин, Лермонтов, Есенин...
Но все они ушли в расцвете лет.

Дуэль была или петля на шее,
Стрелялся сам, застрелен был в упор –
Неважно. Мог погибнуть за идею,
А также мог свершиться приговор.

Но у людей теперь сложилось мнение,
Хоть в убеждениях люди не тверды,
Что если пал поэт, раб вдохновенья,
Тогда он точно классик, без балды.

Мысль заскребла, как по стеклу стамеской, –
Как раньше я не смог понять, дебил?
Вам классик нужен? Вот он я – Семяцкий,
Меня ленивый только не убил¹¹.

Подобная лирическая дерзость, посягательство на место в поэтическом пантеоне используются многими сетевыми авторами как сознательный приём, призванный продемонстрировать особый темперамент, свойственный, по мнению «поэтического народа», причастным области дара. Эпатажные высказывания, однако, не означают неуважения к традиции-преданию, наоборот, отрицание выступает как форма ритуального поклонения.

Пушкин и прочие почитаемые фигуры поэтического пантеона часто оказываются в интернет-поэзии указателями на принадлежность к области дара, ориентирами для «поэтического народа» – и одновременно маркерами границ, которые устанавливает для себя сетевой автор. В обращении к читателю на авторской странице Светлана Морозова пишет:

Пусть говорят, не станешь знаменитой.
И не прославишь стих, как Пушкин или Блок.
Да разве ж я мечтаю быть великой?
Ведь я народа своего простая дочь.
Стихи пишу свои не для корысти.
О славе не мечтаю я, друзья.
А просто не хочу духовно нищей
Когда-нибудь войти в свет неба я¹².

«Поправка на Пушкина» в этом обращении – очень распространённый в практиках «поэтического народа» вид ритуального самоуничижения. Важно и то, что отказ от претензий – лишь тезис, антитезисом к нему всегда выступает авторское утверждение: я искренен, я «пишу сердцем», я – поэт.

Обозначение поэтических ориентиров и предела собственных творческих претензий неизменно осуществляется в интернет-поэзии путём сравнения с мифологизированными, отчасти даже канонизированными поэтами. Эти образы сугубо функциональны, они воспринимаются как самодостаточные и потому порой редуцируются до имени. Осмысление уступает место ритуальному перечислению. Так, в тексте Владимира Кушнира «Соловьиная песня» Пушкин – первый, но не единственный в ряду «поэтов вообще»:

Не Пушкин, Лермонтов, Есенин...
Лишь рифма держится в строке.
Да, я не Пушкин, я не гений,
И не перо держу в руке.

По клавишам стучу умело,
Лишь голос ваш звучит в ушах.
В душе давно уже созрело,
Осталось выразить в словах.¹³

Показательно, что этот условный ряд подчинён принципу мифологической упорядоченности: именно Пушкин здесь выступает синонимом гения, Пушкин бесспорно ставится выше прочих авторов в символической иерархии – подобно тому, как перо, традиционный ритуальный атрибут поэзии в текстах сетевых авторов, выше компьютерной клавиатуры.

Определение иерархии, упорядочение поэтического пантеона, своеобразное распределение статусных мест среди поэтов – как классиков, так и современников, признанных и непризнанных, – является одной из устойчивых тем интернет-поэзии. Секундарная словесность постоянно уточняет своё место по отношению к традиции, структурирует себя и вписывает в историко-литературный контекст. Неслучайно авторы сайта Стихи.ру так привержены идее классификации.

В стихотворении «Мечта рифмоплёта, или Попытка классификации поэтов» Сергей Галин создаёт свою собственную систему оценки поэтов, традиционно принимая за абсолютную величину Пушкина.

Пишущие ямбом и хореем,
Мастера рифмовки, ритма асы,
Все творцы любых стихотворений
Делятся на классы и подклассы.

Выше всех стоят они – Поэты.
Те, что с буквы «П» большой, заглавной.
Каждый стих – шедевр, как вспышка света;
Каждый – гениален и прославлен.

Первый среди них, конечно, Пушкин.
Александр Сергеевич – это сила!
Выпьем за Поэта – где же кружка? –
Он был больше чем поэт. В России¹⁴.

В данном тексте присутствуют сразу несколько конструктов, характерных для мифологии «поэтического народа»: «поэт с большой буквы», «поэт больше, чем поэт» и т.п. Таким же конструктом, условной фигурой оказывается и Пушкин.

В качестве условной фигуры поэта выступает Пушкин и в тексте Бориса Полякова «Рассказали поэты...». Персонаж поэтической мифологии, Пушкин здесь – лишь пример судьбы поэта, которую автор примеряет на себя:

Рассказали поэты о прошлом, нет ничего,
Что я смог бы добавить, просто эхом не став.
Что за время такое: гения – ни одного!
И киньте в меня булыжник, если я не прав.

Может, будущее развернется, разродится ещё,
Выплонет Пушкина на поругание нам –
И будет тот, прежний Дантес прощён,
И будет в честь Иуды построен храм¹⁵.

Показательно, что переход от идеи поэта вообще к образу автора осуществляется именно посредством образа Пушкина: мифологическое мышление требует посредника между божественной силой и участником ритуала. Неслучайно здесь и упоминание имени Иуды, поскольку поэт-мученик в мышлении «поэтического народа» часто ассоциируется с Христом.

Именно на этой ассоциации построен текст автора, пишущего под псевдонимом Глафира:

В маршрутке, углом корабле,
Плывём куда-то
По нашей горестной земле,
Где всё нужны солдаты.
Где кто-то плачет на заре,
обняв подушку,
Но торжествует,
в январе
Убитый Пушкин.
Всё так же нищ и гол поэт –
Не кормит слово!
А обывателей толпа на всё готова.
И вот опять ведут Христа,
Вдали – Голгофа...
Вселенная там разъята
И оттого нам плохо...¹⁶

В данном тексте происходит очень показательное наделение мифологизированного образа Пушкина, приравненного к поэту вообще, божественными чертами. Такое расширение символики – одна из характерных примет мифологического мышления сетевых авторов.

Творчество осмысливается как творение, текст становится магической формулой. Реальность воспроизводит созданное обожествлённым поэтом. «Три дня, как в сказке, чудо длится – знать Пушкин делал календарь»¹⁷, – читаем в стихотворении Геннадия Банникова «Третье сентября».

Осень, воспетая Пушкиным, превращается в стихотворении Вячеслава Куприянова в осень, созданную Пушкиным:

Свежо над морем древнего Гомера,
и кажется, еще не пала Троя,
но в Дантов ад заходит наша эра
и ввысь летит. И здесь передо мною
вновь осень Пушкина, и вновь по всей округе
летит листва в туманный омут Блока <...>¹⁸

В этом тексте пантеон поэтической мифологии существенно расширен, в него, помимо традиционных для русскоязычных авторов фигур Пушкина и Блока, включены Гомер и Данте, однако принцип остаётся тем же: на-

званное поэтом осмысливается как созданное им и принадлежащее ему.

Трансформация – и даже деформация – реальности путём слова описывается и в стихотворении Юрия Лореса «Четырёхстопный ямб»:

Россия – мать бездорожья:
колдобин, рытвин, пней и ям.
И в этой пади, как нарочно,
Возник четырёхстопный ямб.

До самых пяток от макушки
он ловок, строен, в общем, хват.
Державин, Батюшков, но Пушкин
всех паче в этом виноват.

<...>

Россия ищет слова Божья
и... света Ильичевских ламп!
Но виновато бездорожье
и Пушкин. Потому что ямб!¹⁹

Данный текст, размещённый автором в разделе «Иронические стихи», демонстрирует тем не менее фундаментальный принцип мифологического мышления «поэтического народа»: литература обладает магической природой, творчество – ритуальное действие, пишущий, независимо от того, поэт он или прозаик, выступает в роли жреца и мага.

Другой важнейшей темой, намеченной в произведении Юрия Лореса, является функционирование поэта как символа национальной культуры и нации вообще. Ирина Ящинок в своём тексте осмысливает эту символику на примере Пушкина и Москвы.

Нет, не с Москвы Россия началась,
Не с Пушкина поэзия ведется.
Еще Гомер созвучный слог слагал,
И Киевскою Русь моя зовется.

Но сколько ни писали б мы стихов,
А каждый город чем-то да гордится –
Поэт России – Пушкин, а Москва,
Как ни крути, и сердце и столица²⁰.

Показательно, что и в данном произведении мы видим характерное для мифологического мышления иерархическое восприятие: Пушкин – главный поэт России, Москва – главный город.

В тексте Сергея Тверского «Большой сон» Пушкин не только главный поэт России, но и её символ, заступник и учитель. Пушкинский миф, публицистический пафос и наивная назидательность соединяются в этом стихотворении, рождая весьма специфическую образность.

Сон приходит и не лечит:
Вижу – Пушкин на коне,
Бледный и без дара речи,
Муза плачет в стороне.

Он явился краем глаза
На свободный мир взглянуть,
Что воспел, клеймя проказу –
Крепостной кровавый кнут, –
И застыл от грохотанья
Новой жизни и идей,
Где посуточно закланья
В сотни, тысячи людей.
<...>
Пушкин, Русь преобразилась,
Удивила шар земной:
От безграмотья отмылась,
Вышла в космос, Боже мой.
<...>
Нет, любовь не потеряли.
Сгинь же, сон, больнои, не вещей.
Ты мне кара за печали,
Ты на Пушкина клеветнешь...²¹

Данное стихотворение – пример нового мифотворчества интернет-поэтов, материалом для которого становятся как уже мифологизированные исторические и культурные факты, так и не подвергнутая ни малейшей критической рефлексии повседневность. Гротескный образ святого Пушкина, возникающий в тексте, вполне может стать предметом отдельного культурологического исследования, поскольку иллюстрирует многие процессы, происходящие в общественном сознании.

Разнообразие и обилие обращений к образу Пушкина в сетевой поэзии, безусловно, свидетельствует о том, что Пушкин неизменно важен для «поэтического народа». Он осмысливается как вечная фигура, априорно значимая и по умолчанию присутствующая в области поэтического. Не случайно общение авторов Стихи.ру в комментариях и конференции сайта изобилует ссылками на Пушкина и спорами о нём.

В дискуссии о поэзии «Как читать? Письмо всем-всем-всем...» Михаил Гофайзен замечает, говоря о формировании читательских пристрастий: «Всем в школе объяснили, «что такое хорошо и что такое плохо» и что Пушкин – гениален»²². «Пушкин – гений» здесь – аксиома, фундаментальное положение поэтического мышления, изначально определяющее систему координат, в которой существует высказывание.

Подобный ориентир задаёт в своей реплике под текстом автора Яннис и Валентин Шишков: «Потребность выразить это чувство (любовь. – Е.Р.) стихами дало начало поэзии. А, если поэт ещё и мудростью наделён, то это уже и Пророк, как Пушкин, например»²³. Иными словами, Пушкин – частный и наиболее показательный для автора случай мифологического поэтического канона: поэт-пророк, поэт, в основе творчества которого лежит прежде всего эмоциональный импульс.

В беседах о стихотворной технике упоминания Пушкина так же часты. К примеру, рассуждая о традиционно порицаемых на сайте Стихи.ру

глагольных рифмах, авторы апеллируют именно к Пушкину. Показательно, что контраргументом выступает также обращение к Пушкину: «Чтобы узнать, что там Пушкин говаривал о глагольной рифме, надо хотя бы этого самого Пушкина прочитать»²⁴, – пишет в «Записках о стихирной поэзии. Часть 1» автор Элефф.

Пушкин и современное состояние поэзии – ещё одна важная тема для сетевого поэтического сообщества. Актуальность или неактуальность Пушкина неизменно вызывает горячие споры. Посягать на столь значимую фигуру поэтического пантеона отваживаются немногие, и посягательства эти имеют чаще ритуальную природу, о чём уже упоминалось ранее, однако Пушкин часто выводится за рамки современного чтения. Данную точку зрения высказывает, к примеру, Руслан Биба в одном из комментариев: «Пушкин – более чем велик, он внес невероятную лепту не только в развитие русской поэзии, но и в развитие русского языка. Я понимаю это рассудком и всегда буду трепетать от благоговения при упоминании его имени, но искренне полюбить его стихи всем сердцем не смогу никогда. Я люблю его скорее за то, что он – один из первых (а первым быть всегда сложнее всего), чем за то, что он лучший. А все потому, что поэзия идет вперед. <...> Если бы Александр Сергеевич жил в наше время, он едва ли приобрел бы заметную известность»²⁵.

Пушкин и современная поэзия зачастую сопрягаются на сайте Стихи.ру в ироническом ключе. Интересно то, что современность не выдерживает по мнению интернет-поэтов, «пробу Пушкиным». Так, в тексте автора Reiter «Если бы Пушкин жил в наши дни»²⁶ проводится пародийный разбор письма Татьяны в стилистике критических отзывов на сайте Стихи.ру. Безапелляционные суждения, критический апломб, очевидно безграмотные замечания и надуманные претензии – все эти характерные черты рецензии-отзыва в тексте Reiter'a утрированы и доведены до абсурда. Именно пушкинский текст выявляет всю несостоятельность подобной критики, оказываясь некоей безусловной ценностью, эталоном и ориентиром.

Елена Зейферт также сталкивает в своей эпиграмме сетевой литературный процесс и Пушкина:

Мальчик Пушкин, открывший в Стихире окошко,
Тщётно ждёт номинаций, вникая в игру,
И, побит за глагольные рифмы немножко,
Возвращается мирно на «Классика.ru»²⁷.

«Классика.ру», сайт-спутник Стихи.ру, выступает в данном случае не только как сетевая библиотека поэзии, но и как область традиции-предания, взаимоотношения с которой являются одним из важнейших элементов самоидентификации сетевого поэта и всей интернет-поэзии.

Таким образом, можно говорить о том, что мифологизированный Пушкин для сетевого поэтического сообщества – не только часть традиции-предания, архетип поэта-певца, наделённого всей совокупностью истинно творческих черт в понимании интернет-авторов, но и знак, устойчиво соотносящийся с самой мифологизированной поэзией, и в силу этого – один из важнейших инструментов поэтической самоидентификации, создания своего виртуального лирического «я», причастного области дара.

Примечания

- ¹ См.: Митренина М. Интернет и русский литературный процесс // <http://www.netslova.ru/mitrenina/rlp.html>
- ² Аронсон О. Народный сюрреализм. Синий диван. 2006. Вып. 8. Цит. по: <http://www.polit.ru/research/2006/08/04/aronson.html>
- ³ <http://www.stihi.ru/poems/2006/02/24-2335.html>
- ⁴ <http://www.stihi.ru/poems/2007/11/06/1435.html>
- ⁵ <http://www.stihi.ru/poems/2006/09/30-411.html>
- ⁶ <http://www.stihi.ru/poems/2007/02/10-955.html>

- ⁷ <http://www.stihi.ru/poems/2006/06/04-2078.html>
- ⁸ <http://www.stihi.ru/poems/2007/09/15/1663.html>
- ⁹ <http://www.stihi.ru/poems/2006/04/12-1509.html>
- ¹⁰ <http://stihi.ru/author.html? vboy>
- ¹¹ <http://www.stihi.ru/poems/2008/02/03/680.html>
- ¹² <http://stihi.ru/author.html? morozova>
- ¹³ <http://www.stihi.ru/poems/2006/08/29-1584.html>
- ¹⁴ <http://www.stihi.ru/poems/2005/03/14-904.html>
- ¹⁵ <http://www.stihi.ru/poems/2007/04/02-1407.html>
- ¹⁶ <http://www.stihi.ru/poems/2008/02/16/3962.html>
- ¹⁷ <http://www.stihi.ru/poems/2007/09/03/765.html>
- ¹⁸ <http://www.stihi.ru/poems/2004/10/29-199.html>
- ¹⁹ <http://www.stihi.ru/poems/2003/02/07-525.html>
- ²⁰ <http://www.stihi.ru/poems/2005/02/08-1354.html>
- ²¹ <http://www.stihi.ru/poems/2006/03/21-2250.html>
- ²² <http://www.stihi.ru/poems/2001/09/14-432.html>
- ²³ <http://www.stihi.ru/rec.html?2005/12/15-2206>
- ²⁴ <http://www.stihi.ru/poems/2005/11/01-660.html>
- ²⁵ <http://www.stihi.ru/rec.html?2008/02/18/3529>
- ²⁶ <http://www.stihi.ru/poems/2003/09/18-610.html>
- ²⁷ <http://www.stihi.ru/poems/2002/08/31-356.html>